

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 5. Статьи, рецензии и заметки, апрель 1842 -- ноябрь 1843.

Редактор тома М. Я. Поляков. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья С. И. Машинского.

Примечания Г. Г. Елизаветиной.

М., "Художественная литература", 1979.

[OCR Бычков М. Н.](#)

СОЧИНЕНИЯ ГЕТЕ. Выпуск 2. СПб. В типографии Ильи Глазунова и К®. 1842. В 8-ю д. л. 133 стр.

Еще при самом объявлении о выходе этого прозаического перевода сочинений Гете ходили слухи, что он затеян обществом молодых людей. Мысль подобного *смелого* предприятия уже сама по себе оправдывала слухи, а первый выпуск вполне утвердил их достоверность¹. Наконец, по случаю второго выпуска, в одной газете было объявлено имя г. Бочарова, как одного из главных переводчиков и участников предприятия². Г-н Бочаров недавно издал книжку довольно плохих стихотворений³ -- обстоятельство, которое, вместе с молодостью переводчиков Гете, не могло не иметь влияния на перевод! В самом деле, безусловное уважение к авторитетам -- весьма похвальная черта в юношах, еще не успевших развиться до самостоятельного и самобытного суждения о важных предметах; но в то же время смешно и жалко видеть, когда юноши, из своего слепого уважения к авторитетам, силятся сделать какой-то авторитет для людей, которые уже давно пережили свою школьную эпоху и приобрели *себе* право смотреть на вещи глазами размышляющего ума, а не безотчетного удивления к громким именам. Забавно читать ученические выходки против литераторов⁴, которые достигли столь высокой точки воззрения на Гете, что думают о нем, как о поэте, написавшем много пустяков, считают его пьесу "Заклад" ничтожною вещью, и т. п. Не знаем, право, кто такие эти дерзкие литераторы; но что касается до нас, -- повторим, не в обиду юным прелазгателям сочинений Гете, что великий и гениальный Гете действительно написал много пустяков, в сравнении с которыми даже и сочинения какого-нибудь Клаурена могут показаться чем-то порядочным; пьесы "Брат и сестра", "Заклад" и "Стелла" именно принадлежат к самым пустым и вздорным произведениям великого германского поэта. Царь внутреннего мира души, поэт по преимуществу субъективный и лирический, Гете вполне выразил собою созерцательную, аскетическую сторону национального духа Германии, а вместе с нею необходимо должен был вполне выразить и все крайности этой стороны. Чуждый всякого исторического движения, всяких исторических интересов, обожатель душевного комфорта до бесстрастия ко всему, что могло смущать его спокойствие, -- даже к горю своего ближнего, немец вполне, которому везде хорошо и который со всем в ладу, Гете невыносимо велик в большей части своих лирических произведений, в своем "Фаусте" -- этой *лирической* поэме в драматической форме, в своем "Прометее", в котором он сам является похитителем небесного огня, в своей "Коринфской невесте" и множестве других преимущественно лирических произведений; но Гете слаб в драме (за исключением первого и превосходного опыта "Гёц фон Берлихинген"), вообще сладок, приторен во многих из своих драм. Он любил делать героями своих драм характеры слабые, ничтожные, изнеженные, женоподобные, каковы: Франц Вейслинген (в "Гёце"), Клавиго, Фернандо и проч. В лице Эгмонта он осуществил свой идеал "изящной личности", а этот идеал есть не что иное, как идеал "изящного эгоизма", которому, кроме самого себя, все трын-трава... Это чисто субъективное, антиисторическое направление необходимо должно было, переходя в крайность, доводить Гете до сочинения таких ничтожных, жалких, приторных, сентиментальных пьес, каковы -- повторяем смело -- "Брат и сестра", "Клавиго", "Добрые женщины", "Заклад", "Стелла" и т. п. И как жаль, что юные переводчики начали передавать русской публике Гете именно с его плохих и пустых произведений! Пока переводчики дойдут до истинно великих его созданий, наша публика -- чего доброго! -- решит, что Гете был плохой писака, и предприятие, само во себе полезное и похвальное, пропадет таким образом в самом начале своем. Второй выпуск "Сочинений Гете" еще более наполнен пустяками, чем первый: за исключением статьи о Шекспире⁵, в которой есть несколько глубоких замечаний, все остальное -- балласт... В третьем выпуске переводчики сулят нам "Вертера", который уже известен русской публике по прекрасному переводу Рожалина⁶. Господа! давайте скорее "Вильгельма Мейстера", "Wahrverwandtschaften" {"Избирательное сродство" (*нем.*). -- *Ред.*}, "Гёца фон Берлихингена", "Эгмонта",